ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-6-10
УДК 304.444(045)

Противоречия в осмыслении начала российской государственности в аспекте различных социальных проектов

М.С. Кальней

Московский государственный институт электронной техники, (Технический университет), Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0653-7824>

АННОТАЦИЯ

Цели и задачи исследования заключаются в том, чтобы сопоставить различные представления об историческом знании в аспекте легитимации социальной системы, сравнить основные характеристики социальных проектов и их подходы к пониманию начала российской государственности. В исследовании применялись методы сравнительного анализа при рассмотрении объекта во всех его взаимосвязях и противоречиях с использованием восхождения от абстрактного к конкретному в единстве исторического и логического подходов. Автор обращается к описанию природы социального мифа в трудах Дж. Фрэзера, А.Ф. Лосева, Э. Фромма, анализирует взгляды на социальную реальность отечественных и зарубежных исследователей. Результаты работы продолжают и развивают дискуссию о началах российской государственности, представленную в трудах различных авторов. Исследование позволяет провести сравнительный анализ различных социальных проектов, степень их утопичности, а следовательно, жизнеспособности и осуществимости.

Ключевые слова: государственность; историческое знание; легитимация; социальный проект; общественное сознание; либерализм; консерватизм; утопия

Для цитирования: Кальней М.С. Противоречия в осмыслении начала российской государственности в аспекте различных социальных проектов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):6-10. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-6-10

ORIGINAL PAPER

Contradictions in Comprehending the Beginning of Russian Statehood in the Aspect of Various Social Projects

M.S. Kalney

Moscow State Institute of Electronics Technology (Technical University), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0653-7824>

ABSTRACT

The goals and objectives of the study are to compare different ideas about historical knowledge in the aspect of legitimizing the social system, to compare the main characteristics of social projects and their approaches to understanding the beginning of Russian statehood. The study used the methods of comparative analysis when examining the object in all its interrelationships and contradictions. Also, the author used the ascent from the abstract to the concrete in the unity of the historical and logical approaches. The author refers to the description of the nature of social myth in the works of J. Frazer, A.F. Loseva, E. Fromm, who analyses the views of the social reality of domestic and foreign researchers. The work results continue and develop the discussion about the foundations of Russian statehood, presented in the works of various authors. The study allows for a comparative analysis of various social projects, the degree of their utopianism, and, consequently, their viability and feasibility.

Keywords: statehood; historical knowledge; legitimation; social project; public consciousness; liberalism; conservatism; Utopia

For citation: Kalney M.S. Contradictions in comprehending the beginning of Russian statehood in the aspect of various social projects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):6-10. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-6-10

Тридцатилетие образования Российской Федерации служит поводом для осмысления начал и истоков российской государственности. Очевидным препятствием к созданию единой концепции российской истории является произошедшая в XX в. резкая смена социальных проектов. Помимо прочего, этот процесс включал в себя кардинальное переосмысление и переоценку событий исторического прошлого, поэтому необходимо рассмотреть сами подходы к историческому знанию. Их общеизвестная специфика заключается в отсутствии тех возможностей верификации знания, которые приняты в точных науках, а также включенности исторического познания в социально-исторические процессы.

Кардинальная смена различных социальных проектов, происходившая в последнее столетие российской истории, служит одним из наиболее очевидных препятствий для определения начала российской государственности. Вместе с тем необходимость определить такое начало особенно актуальна ввиду того, что это может представлять собой особого рода символ, отражающий те ценности, которые будут признаны базовыми для российского социума.

Необходимо исследовать специфику исторического знания. Наиболее существенной его чертой является единство субъективного и объективного, вызванное невозможностью отделения познающего субъекта от исследуемой социальной системы. Это приближает историческое знание к мифу, что превращает его в часть системы социальных фильтров, формирующих восприятие индивидами социальной реальности. Одной из существенных функций этой системы является легитимация социального порядка.

Очевидной спецификой истории как науки является преобладающее значение оценочной (зачастую — эмоционально-оценочной) стороны. Общеизвестен высокий риск того, что преобладание эмоционально-оценочного элемента превращает историческое знание в исторический миф, который в общепринятом понимании представляет собой догматизированное, иллюзорное знание. Именно эту сторону мифа отмечал Дж. Фрэйзер в труде «Золотая ветвь»: «Старое представление о дикаре как о свободнейшем из людей противоречит истине. Он — раб, но раб не какого-то отдельного

господина, а раб прошлого, духов умерших предков, которые преследуют его от рождения до смерти и правят им железной рукой. Деяния предков являются для него настоящим неписаным законом, которому он слепо, без рассуждений повинует» [1].

Очевидной спецификой истории как науки является преобладающее значение оценочной (зачастую — эмоционально-оценочной) стороны. Общеизвестен высокий риск того, что преобладание эмоционально-оценочного элемента превращает историческое знание в исторический миф, который в общепринятом понимании представляет собой догматизированное, иллюзорное знание.

Иными словами, догматы, закрепленные в мифе, применяются как средство тоталитарного контроля над личностью. Сходным образом мифологизированные интерпретации исторического знания применяются тоталитарными режимами для контроля над массами. Следовательно, в исследовании исторического прошлого необходимо избегать догматизации постулатов, а также навязывания искаженного исторического знания посредством репрессивного аппарата государства.

Однако следует выделить и другую сторону мифа, отмеченную в исследовании А. Ф. Лосева: «Миф не есть историческое событие как таковое, но он всегда есть слово. А в слове историческое событие возведено до степени самосознания. Этой установкой мы отвечаем на вторую из предложенных выше апорий (относительно формы проявления личности в мифе). Личность берется в мифе исторически, а из ее истории берется вся словесная стихия. Это и есть разъяснение того, как личность проявляет себя в мифе. Кратко: миф есть в словах данная личностная история» [2]. Иначе говоря, миф представляет собой единство субъективного

и объективного, что ограничивает применение к нему критериев научности, разделяющих субъективную и объективную стороны знания. В применении к историческому знанию это означает неизбежность эмоциональной окраски оценки и интерпретации событий исторического прошлого. В связи с этим необходимо исследовать источник этой эмоциональной направленности, несводимый к сиюминутным настроениям масс.

В социальной практике роль и функция этих фильтров заключается в схематизации и упорядочивании явлений, ситуаций, событий, переживаний и действий, происходящих в социальной реальности. Система социальных фильтров не сводится к одному только положительному или отрицательному восприятию тех или иных политических мер.

Важное значение здесь имеет отмеченная Э. Фроммом особенность формирования социального характера: «Каждое общество собственной практикой жизни, способом отношений, чувств и восприятий развивает систему или категории, которые определяют формы сознания. Фактически эта система действует как *социально обусловленный фильтр*: переживание не дойдет до сознания, пока не пройдет сквозь этот фильтр» [3].

В социальной практике роль и функция этих фильтров заключается в схематизации и упорядочивании явлений, ситуаций, событий, переживаний и действий, происходящих в социальной реальности. Система социальных фильтров не сводится к одному только положительному или отрицательному восприятию тех или иных политических мер. Она также предполагает формирование в общественном сознании паттернов, упорядочивающих понимание сущности социальных проблем; определение лиц, ответственных за социальные проблемы и мотивацию к решению социальных проблем. В совокупности это означает процесс легитимации существующего или желаемого социального порядка [4].

Таким образом, историческое знание используется в социальной практике в качестве составной части механизма формирования социальных стереотипов как системы оценок социальной реальности для легитимации социального порядка. Одним из первых эту особенность исторического знания отметил Н. М. Карамзин: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [5]. Очевидны указания на догматический элемент в историческом знании, его использование для интерпретации фактов социального бытия в настоящем, мотивации социального поведения и передачи между поколениями базовых ценностей данного социума.

С консервативной точки зрения, которую выражал Н. М. Карамзин, эти свойства исторического знания оцениваются с положительной стороны как средство поддержки социального порядка. В дальнейшем практика тоталитарных режимов показала все отрицательные стороны такого подхода. В связи с этим следует обратить внимание на сущность тех социальных проектов, для легитимации которых применяется историческое знание.

Очевидным представляется вывод о том, что несоответствие тоталитарных проектов базовым потребностям человеческого бытия с неизбежностью предполагает применение ими для своей легитимации искаженного социального, в частности исторического знания. При этом обращает на себя внимание близость тоталитарного проекта к утопическому. Общеизвестной чертой тоталитаризма является подчинение всей деятельности общества достижению единой цели. Столь же общеизвестен логоцентризм утопического проекта, стремящегося трансформировать общество в соответствии с социальным идеалом, созданным на базе той или иной теории. Таким образом, логический подход к социальной реальности, взятый в своей превращенной форме, приводит к утопическому проекту, трансформирующемуся в тоталитарный.

Противоположностью этому подходу служит представление об обществе как системе, исторически складывающейся как результат ответов на те или иные социальные вызовы.

Особенность российской общественной мысли заключается в том, что события отечественной истории интерпретируются в рамках разнообразных идеологических направлений. Общеизвестно, что в российском общественном сознании последних десятилетий преобладают «четыре возможных варианта национальной идеи: повторение советского пути; признание неприемлемым и дореволюционного, и советского опыта, а также признание необходимости начать историческое развитие России «с чистого листа», ориентируясь на Запад; отрицание коммунистической идеологии, воссоединение с дореволюционной Россией, сохранение в дифференцированном виде советского опыта; смешение вышеуказанных вариантов» [6].

Со своей стороны, А. А. Зиновьев определил социальную организацию, возникшую в России после 1991 г., как «постсоветизм» — «гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского (дореволюционного) фундаментализма» [7]. Из этого следует вывод о сосуществовании в российском общественном сознании трех основных идеологических направлений: коммунистического, либерального и консервативного. Для каждого из них характерны свои системы ценностей, а также свои интерпретации отечественной истории.

Хотя в социуме не проявляется запрос к возвращению плановой экономики и однопартийной политической системы, общеизвестна высокая степень идеализации таких черт советского периода, как высокая социальная защищенность и социальные гарантии, обеспечиваемые сильным государством. Вследствие этого необходимо учитывать интерпретацию российской истории с точки зрения социалистической идеологии. В этом аспекте началом истории принято считать революцию 1917 г., тогда как предшествующие века рассматриваются в качестве предыстории (подготовки к реализации коммунистического проекта).

Либеральный проект неразрывно связан с концепцией постиндустриализма. Для него идеалом представляется глобальное информационно-компьютерное общество, базовой ценностью которого является идея индивидуализма. В аспекте данной идеологии 1991 г. интерпретируется в качестве начала «новой России», т.е. реализации проекта, отрицающего всю предшествующую российскую историю как период авторитаризма и тоталитаризма. Такой подход близок к утопизму.

Очевидным является слабая распространенность в социуме идеала реставрации феодально-сословной монархической системы. В соответствии с этим консервативное направление представляет интерес как продолжение и развитие в новых исторических реалиях традиционных черт российского социума, выделенных множеством исследователей (государственность, духовность, коллективизм). В рамках этого проекта необходима выработка своего толкования начала российской истории.

Для консервативного проекта, в отличие от утопических, характерно представление об установлении государственности как отправной точки исторического процесса. Основное затруднение здесь связано с определением той даты исторического прошлого, которая означала бы создание российской государственности и отсутствие укоренившейся традиции выделения такой даты — как в исторической науке, так и в массовом сознании. Именно это, наряду со значительной степенью раскола общественного сознания относительно выбора социального проекта, и порождает затруднения, связанные с интерпретацией начала российской государственности.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Историческое знание — это особая форма познания социальной реальности, в которой субъект исследования представляет собой неотъемлемую часть исследуемого объекта — социальной системы в ее развитии. Это с неизбежностью превращает историческое знание в синтез рационального исследования и эмоционального переживания. Такое свойство приближает историческое знание к мифу как единству субъективного и объективного. В практическом аспекте историческое знание служит средством формирования ряда стереотипов, упорядочивающих представления индивидов о социальной реальности. Такие представления используются для легитимации социального порядка. Историческое знание, интерпретируя события прошлого, также тесно связано с легитимацией существующей социальной системы. Для российского общественного сознания основное противоречие связано с расколом общества из-за существования нескольких идеологических проектов: социалистического, либерально-постиндустриального и консервативного, что и затрудняет определение единой концепции отечественной истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Эксмо; 2006. 960 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль; 2001. 558 с.
3. Фромм Э. Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики. М.: АСТ; 2010. 352 с.
4. Schoon Eric W., Duxbury Scott W. Robust Discourse and the Politics of Legitimacy: Framing International Intervention in Syrian Civil War, 2011–2016. *Sociological Science*. 2019;(6):635–660.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо; 2012. 1024 с.
6. Чубайс И. Б. Россия и Европа: идейно-идентификационный анализ. *Вопросы философии*. 2002;(10):29–45.
7. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо; 2006. 528 с.

REFERENCES

1. Frazer J.J. The Golden Branch: A Study of Magic and Religion. Moscow: Eksmo; 2006. 960 p. (In Russ.).
2. Losev A.F. Dialectics of myth. Moscow: Thought; 2001. 558 p. (In Russ.).
3. Fromm E. Man for himself. Study of the psychological problems of ethics. Moscow: AST; 2010. 352 p. (In Russ.).
4. Schoon Eric W., Duxbury Scott W. Robust Discourse and the Politics of Legitimacy: Framing International Intervention in Syrian Civil War, 2011–2016. *Sociological Science*. 2019;(6):635–660.
5. Karamzin N.M. History of the Russian state. Moscow: Eksmo; 2012. 1024 p. (In Russ.).
6. Chubais I.B. Russia and Europe: Ideological and Identification Analysis. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*. 2002;(10):29–45. (In Russ.).
7. Zinoviev A.A. The factor of understanding. Moscow: Algorithm, Eksmo; 2006. 528 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Сергеевна Кальней — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии, Московский государственный институт электронной техники (Технический университет), Москва, Россия
marina.kalnej@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina S. Kalney — Cand. Sci. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Politology, Moscow State Institute of Electronics Technology (Technical University), Moscow, Russia
marina.kalnej@yandex.ru

Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 15.12.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 15.12.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.